

В.И. БАТЮК*

МАЛЬТА-1989

Двадцать лет прошло со времени советско-американского саммита на Мальте, который стал важной вехой в процессе прекращения «холодной войны» и распада биполярного мира. Это событие до сих пор привлекает к себе неподдельный интерес со стороны как экспертов-международников, так и широкой публики. Оценки того, что произошло на Мальте в декабре 1989 г. (а точнее, на борту круизного лайнера «Максим Горький» и крейсера «Белкнап» в порту Ла-Валетты), – диаметрально противоположны: от «настоящего прорыва в отношениях между Востоком и Западом» до «бездарной капитуляции преступной банды Горбачёва–Шеварднадзе».

Вот что пишет, например, А.С. Грачёв, бывший советник Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачёва: «После Мальты американская картина «нового мирового порядка» не слишком расходилась с «новым политическим мышлением» Горбачёва: ведь советский президент тоже верил в возможность перейти от «баланса сил» к «балансу интересов» и в то, что это будет достигнуто за счёт укрепления международных организаций, прежде всего ООН... Новые американско-советские отношения, возникшие на базе духа доверия между лидерами, отражали чувство общей ответственности за пока ещё неведомый мир, который они собирались освободить от груза конфронтации, длившейся почти полвека»¹.

А вот мнение видного российского учёного-международника Анат.А. Громыко: «На Мальте Горбачёв проиграл по всем статьям, однако демонстрировал наигранный оптимизм и считал, что наконец-то может доверять Бушу. Вопреки здравому смыслу, Горби считал, что США не будут форсировать объединение Германии и не поставят советско-американские отношения в зависимость от «прибалтийской проблемы». У него укрепились мнение, что «дядя Сэм» оплатит сдачу советских позиций хорошей финансовой помощью. Горбачёв так её и не дождался... Встреча на Мальте войдёт в историю дипломатии как «советский Мюнхен». После него, как любил говаривать Михаил Сергеевич, «процесс пошёл». Как Нерон сжёг Рим, так и Горби, наслаждаясь властью, ослеплённый ею, разваливал своё государство и судьбы миллионов соотечественников... В совре-

БАТЮК Владимир Игоревич – доктор исторических наук, руководитель Центра региональных аспектов военной политики США ИСКРАН. Copyright © 2009.

Статья подготовлена в рамках аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы 2009». Проект 2.1.3/7428 «Проблемы международной безопасности в многополярном мире».

¹ Грачёв А.С. Шанс, которым не воспользовались. – «Россия в глобальной политике», № 5, сентябрь – октябрь 2008 (<http://www.globalaffairs.ru/numbers/34/10425.html>).

менной мировой истории нет более печальных и постыдных страниц, чем издевательство над СССР, допущенное после Мальты»².

Что же на самом деле произошло на Мальте двадцать лет тому назад? Но сначала – несколько слов о том, как советские и американские руководители шли к этой встрече.

Накануне встречи в верхах

Ещё в декабре 1987 г., во время визита М.С. Горбачёва в США, между ним и Дж. Бушем-старшим (в то время он был вице-президентом Соединённых Штатов) были налажены доверительные отношения. 10 декабря, в автомобиле, по пути в аэропорт, провожавший советского лидера американский вице-президент согласился с утверждением Генерального секретаря ЦК КПСС, что советско-американские отношения выходят на новый этап. Со своей стороны Дж. Буш заверил своего собеседника в том, что он «привержен делу улучшения советско-американских отношений». «Если буду избран (речь шла о предвыборной кампании 1988 г. – *В.Б.*), продолжу начатое»³, подчеркнул Дж. Буш.

У советского руководства, таким образом, были определённые основания надеяться на дальнейшее поступательное развитие советско-американских отношений после избрания Дж. Буша-ст. на президентский пост в ноябре 1988 г. Во время встречи М.С. Горбачёва с новоизбранным президентом США в Нью-Йорке год спустя, в декабре 1988 г., Дж. Буш подтвердил то, что он сказал советскому лидеру в ходе их беседы в автомобиле.

Увы, надежды Москвы на быстрый старт советско-американского диалога после прихода к власти новой администрации оказались несостоятельными.

Нужно сказать, что новая вашингтонская «команда» прекрасно отдавала себе отчёт в том, что же на самом деле происходит в Советском Союзе. Как говорилось в первом докладе, посвящённом Советскому Союзу, который прочёл государственный секретарь Дж. Бейкер в своей новой должности, «Советский Союз – это великая держава, находящаяся в упадке. Практически любой показатель свидетельствует об ослаблении советской мощи. Центральной задачей на посту государственного секретаря в отношениях между Востоком и Западом будет направление международных последствий этого упадка в продуктивное и мирное русло».

«Если бы я помог советской империи провести, так сказать, "мягкую посадку", – вспоминал впоследствии Бейкер, – открывались бы почти безграничные возможности для распространения демократии, свободного рынка и урегулирования региональных конфликтов. Но если бы реформа застопорилась или была повернута вспять, Америка, как минимум, столкнулась бы с очень нестабильным международным окружением. В худшем случае мы могли бы стать свидетелями превращения "холодной войны" в "горячую". Перед лицом этих реалий моя стратегическая логика была прямой. Сдерживание должно было оставаться предпосылкой нашей политики, поскольку чем большее давление мы сможем оказать на Советы, тем скорее мы заставим их сделать тяжёлый выбор в пользу внутренних перемен – то, что посол Джордж Кен-

² См.: <http://www.voskres.ru/literature/library/emilianov.htm>

³ Горбачёв М.С. Жизнь и реформы. Книга 2. М., 1995, с. 67–69.

нан, основоположник теории сдерживания, назвал "постепенным размягчением мощи"... А чем дальше продвинется Советский Союз в направлении наших интересов и ценностей, тем лучше... Стратегия Горбачёва заключалась в ослаблении западной сплочённости посредством далекоидущих, привлекательных для общественного мнения предложений и получении за счёт этого экономических выгод от Запада. Мы хотели нанести удар по его стратегии посредством выдвижения наших собственных предложений – предложений, направленных на открытие советской системы западному влиянию, институционализацию стабильности и предсказуемости, предотвращение отката реформ и, наконец, на поощрение того, что мы называли "легитимными политическими институтами" в СССР»⁴.

Свою информацию о ситуации в Советском Союзе официальный Вашингтон получал из различных источников. Очень показательными представляются нам донесения американского посла в Москве Дж. Мэтлока. Вот что он писал 3 февраля 1989 г.: «Нынешний хаос во внутривнутриполитической жизни СССР представляет Соединённым Штатам беспрецедентную возможность повлиять на советскую внешнюю и внутреннюю политику. Наши возможности отнюдь не безграничны – мы не можем заставить их отдать нам ключи от своей лавки – но достаточны, чтобы изменить в нашу пользу баланс интересов по многим ключевым вопросам... нам важно избежать непропорционального сосредоточения внимания на вопросах контроля над вооружениями в ущерб тем составляющим нашей формулы, которые оказывают более прямое воздействие на эволюцию советского общества в направлении к плюрализму и на конверсию советской промышленности в сторону увеличения доли гражданской продукции... Хотя на практике может оказаться трудным официально увязать вопросы сокращения вооружений с проблемами в других областях наших отношений, нам не следует упускать возможности корректировки темпов переговоров о контроле над вооружениями с соответствующим прогрессом в других вопросах, важных для нашей национальной безопасности»⁵.

Итак, новое американское руководство могло себе позволить несколько притормозить темпы переговорного процесса по стратегическим вооружениям, обоснованно надеясь на новые уступки Москвы как по разоруженческим, так и по другим международным проблемам – а вот для Кремля любое ослабление темпов переговоров было, в сложившихся обстоятельствах, совершенно недопустимым. Вот почему любые намёки относительно желания пересмотреть позиции США на переговорах по СНВ, которые делались представителями новой администрации в конце 1988 – начале 1989 г., воспринимались советской стороной весьма болезненно.

Так, в ходе беседы с советским послом в Вашингтоне Ю.В. Дубининым, состоявшейся 27 декабря 1988 г., советник новоизбранного президента по национальной безопасности Б. Скоукрофт, отвечая на вопрос о переговорах по сокращению стратегических наступательных вооружений, сказал, что потребуются заново проанализировать оборонные императивы США и на этой основе

⁴ Baker J. The Politics of Diplomacy. Revolution, War, and Peace, 1989–1992. N.Y., 1995, pp. 41–42, 45.

⁵ «Новая и новейшая история», 1996, № 1, с. 107, 108.

выстроить американскую позицию на переговорах по ядерным и космическим вооружениям.

«Слово "заново" режет слух, – пишет Ю.В. Дубинин в своих воспоминаниях. – Тем более, что ближайший помощник Дж. Буша произносит его совсем незадолго до 15 февраля – предположительной даты очередного раунда переговоров по ЯКВ в Женеве». Когда же советский посол спросил о 15 февраля, Скоукрофт ему «доверительно» сообщил, что к этой дате американская позиция выработана не будет; возобновление переговоров придётся отодвинуть⁶.

Дело было не только в желании официального Вашингтона вывести советское руководство из равновесия, добиться от Москвы непродуманных заявлений и действий и даже новых уступок. Новой администрации действительно нужно выработать свою внешнеполитическую стратегию в быстро меняющейся международной обстановке, характеризующейся, главным образом, всё более ускоряющимся упадком так называемого лагеря мира и социализма.

Между тем выработка новой стратегии давалась новой вашингтонской команде нелегко. С самого начала Дж. Буш и его ближайшее окружение допустили серьёзную ошибку, поручив эту задачу бюрократам среднего звена СНБ с привлечением их коллег из других ведомств. А ведь все они были назначены на свои посты ещё при Рейгане; тем самым новый хозяин Белого дома фактически попросил бюрократию дать оценку её деятельности при предыдущей администрации.

Результат получился предсказуемым. «Это было всё равно что попросить архитектора дать оценку своей собственной работы; он мог бы сменить окно здесь и дверь там, но он вряд ли поставит под сомнение фундамент, на котором стоит строение», – вспоминал впоследствии Дж. Бейкер. – Вместо того чтобы искать идеи и предложения там, где не было личной заинтересованности в нынешней политике, мы попросили саму бюрократию подготовить доклады. Это привело к принципу «наименьшего общего знаменателя», причём все потенциально спорные – т.е. интересные – идеи отвергались во имя бюрократического консенсуса»⁷. О том же пишут в своей совместной книге воспоминаний Дж. Буш и Б. Скоукрофт: «Доклад со стратегическим обзором, касавшимся Советского Союза... был положен на стол президента 14 марта. Документ вызвал разочарование: это была бумага преимущественно описательного характера. В ней было мало содержания и отсутствовали конкретные, способные произвести впечатление инициативы, необходимые для того, чтобы придать результативность американо-советским отношениям»⁸.

Попытки набраться мудрости у американских «кремленологов», не находящихся на государственной службе, также не привели к ожидаемым результатам. Как вспоминает Дж. Бейкер, обсуждения с американскими экспертами по Советскому Союзу вылились в дискуссию о том, является ли горбачёвская «перестройка» «переходом», т.е. фундаментальным сдвигом в советском обществе в направлении «социализма с человеческим лицом», или же означенная «перестройка» – это всего лишь «передышка», придуманная Советами для того, чтобы преодолеть стагнацию и технологическую отсталость эры Брежнева

⁶ Дубинин Ю.В. Время перемен. Записки посла в США. М., 2003, с. 306.

⁷ Baker J. Op. cit., p. 68.

⁸ Bush G. and Scowcroft B. A World Transformed. N.Y., 1998, p. 40.

и чтобы оживить советскую экономику для дальнейшего соревнования с Западом в следующем столетии⁹. Во всяком случае, новых идей и предложений о том, как надо строить политику на советском направлении, представители новой администрации не слышали и здесь.

Но такое положение вещей, по мнению нового главы американского внешнеполитического ведомства, было чревато утратой Соединёнными Штатами инициативы на международной арене: «У меня было ощущение, что Горбачёв мог на самом деле быть готовым осуществлять далекоидущие фундаментальные перемены – но мы могли выяснить, насколько далеко он готов идти, только если будем двигаться вперёд сами... Прежде всего, рассуждал я, если мы будем сидеть сиднем, то инициатива будет у Горбачёва, и это соображение в конечном счёте убедило меня, что мы должны двигаться... Чем больше мы будем двигаться, тем труднее будет Горбачёву добиться преимущества перед нами. Стратегия Горбачёва, думал я, была направлена на раскол союза и подрыв наших позиций в Западной Европе посредством обращения к западной общественности через головы западных правительств. С точки зрения внутренней политики, для него это также был способ укрепить свою власть и авторитет. Мы должны были встретить эту стратегию во всеоружии и выработать инициативы, которые он не сможет не принять. Отставание и безынициативность с течением времени ограничат наши возможности и приведут к уступке на политической арене»¹⁰.

Президент Буш, в конце концов, согласился с точкой зрения своего государственного секретаря, а не с позицией консерваторов из СНБ и Пентагона. Для этого имелись существенные основания: изложенные М.С. Горбачёвым в ходе его выступления на Генеральной Ассамблее ООН (декабрь 1988 г.) новые советские разоруженческие инициативы были настолько масштабны¹¹, что просто отмахнуться от них, объявив их «советской пропагандой», не представлялось возможным, тем более, что американские союзники по НАТО проявили к этим инициативам живейший интерес.

И уже в ходе своей поездки в Западную Европу в качестве государственного секретаря (10–17 февраля 1989 г.) Дж. Бейкер столкнулся с сильнейшей оппозицией американским планам модернизации тактического ядерного оружия Североатлантического альянса: многие западноевропейские государства поставили вопрос о начале переговоров с Советским Союзом об ограничении таких вооружений. Глава американского внешнеполитического ведомства вернулся в Вашингтон под впечатлением всё усиливающегося влияния на большинство союзников по НАТО активной советской политики и заинтересованности большинства из них в возобновлении советско-американского диалога¹².

⁹ Baker J. Op. cit., p. 69.

¹⁰ Ibid., pp. 69–70.

¹¹ Советский руководитель объявил об односторонних мерах СССР по сокращению Вооружённых сил: их численный состав уменьшится в ближайшие два года на 500 тыс. человек. В европейской части СССР и на территории его европейских союзников советские Вооружённые силы будут уменьшены на 10 тыс. танков, 8,5 тыс. артиллерийских систем, 800 боевых самолетов; к 1991 г. из ГДР, ЧССР и ВНР будут выведены и расформированы 6 танковых дивизий. – «Правда», 8.12.1988.

¹² Дубинин Ю.В. Ук. соч., с. 304.

Затягивание с возобновлением этого диалога – и тут Дж. Бейкер совершенно прав – было чревато потерей политической инициативы. Визит государственного секретаря в Москву (11–12 мая 1989 г.) должен был стать свидетельством того, что затянувшаяся пауза в отношениях «сверхдержав», наконец, закончилась. Отправляясь в советскую столицу, глава американского внешнеполитического ведомства, судя по его мемуарам, руководствовался двумя соображениями.

Во-первых, Дж. Бейкер собирался устроить советской стороне своего рода экзамен на соответствие продвигаемых ею в международной политике подходов реальным делам. «Во многом подобно кандидату на американских президентских выборах, Горбачёв давал щедрые обещания, и наша задача состояла в том, чтобы поймать его на слове, – вспоминал впоследствии государственный секретарь. – Смелость и радикальный характер заявлений Горбачёва загоняли его в его же собственную ловушку. Ему было бы трудно сказать "нет" нашим инициативам, отчасти потому, что в разгар революции Горбачёв вполне сознательно находился в поиске новых идей»¹³.

Во-вторых, американский дипломат предполагал с самого начала сформулировать советско-американскую повестку дня таким образом, чтобы в ней как можно меньше места оставалось для контроля над вооружениями. «...Я чувствовал, что происходящие в Москве политические перемены могут позволить добиться большего прогресса в областях, которые были более политическими по своей природе, чем контроль над вооружениями, – пишет Бейкер в своих мемуарах. – Я хотел, чтобы наши общие дипломатические и политические отношения двигали вперёд контроль над вооружениями, а не наоборот»¹⁴.

Всё, однако, получилось совсем не так, как предполагал государственный секретарь. Полной неожиданностью для него стало заявление советского лидера о новых советских инициативах на переговорах по обычным вооружениям и вооружённым силам в Европе – инициативам, которые, в целом, соответствовали американской позиции, суть которой заключалась в том, что в результате сокращений у ОВД и НАТО в Европе должны остаться равные «потолки» по вооружениям, являющимся предметом переговоров. Другим сюрпризом стали слова М.С. Горбачёва относительно того, что Советский Союз в одностороннем порядке выводит с территории своих восточноевропейских союзников 500 боеголовок тактических ядерных средств и что СССР готов вообще вывести из Восточной Европы все тактические ядерные боеприпасы к 1991 г. – при условии, что Соединённые Штаты, в свою очередь, выведут свои тактические боеголовки из Западной Европы. Что ещё хуже, эту свою инициативу генеральный секретарь озвучил в присутствии журналистов после встречи с Дж. Бейкером.

Таким образом, советский лидер нанес неожиданный и мощный удар по американским планам проведения модернизации размещённых в ряде западноевропейских государств американских тактических ракет «Лэнс».

Государственный секретарь был вынужден признать, что в ходе этой встречи Горбачёв его переиграл: «Горбачёв вытащил из колоды ещё одну свою пропагандистскую козырную карту, и пресса, всегда бурно реагирующая на

¹³ Baker J. Op. cit., pp. 71–72.

¹⁴ Ibid., p. 82.

ядерные проблемы, уделила большое внимание инициативе по ТЯО, обойдя в то же время более существенные предложения по обычным вооружённым силам... Горбачёв использовал победы за рубежом, чтобы поддержать свой авторитет дома, и если мы не сможем выступить со смелой и отмеченной печатью политического воображения инициативой на натовской встрече в верхах, до которой теперь остаётся меньше месяца, Джордж Буш рискует проиграть Горбачёву дипломатически»¹⁵.

В этих условиях дальнейшие задержки с началом советско-американских переговоров по стратегическим вооружениям становились политически проигрышными для новой американской администрации. Ещё в ходе переговоров в Москве Бейкер дал принципиальное согласие на возобновление таких переговоров, а 22 мая Государственный департамент предложил советской стороне дату возобновления переговоров в Женеве по ЯКВ – 19 июня. Москва с этим согласилась.

Но это был лишь частичный успех на фоне дальнейшего ухудшения положения и в «социалистическом лагере», и в самом СССР, в результате чего поле для манёвра советского руководства постоянно сужалось. Вот что пишет, например, М.С. Горбачёв в своих мемуарах: «Информация, поступающая по разным каналам из Соединённых Штатов, была противоречивой... Возросла активность сторонников так называемой жёсткой линии. События в нашей стране, а также в Восточной Европе расценивались в этих кругах как приближение желанной победы в «холодной войне». А отсюда установка – давить ещё больше, выжимать уступки у Советского Союза. Возобладай полностью в администрации Буша такой подход, многое из достигнутого в отношениях с США при Рейгане пошло бы насмарку. А в нашей стране те, кто с самого начала рассматривал нормализацию отношений как дело вредное и неприемлемое, получили бы веские аргументы. Поэтому во время встреч с государственными деятелями Западной Европы – а их в эти месяцы было немало – я то и дело обращался к проблеме наших отношений с США, не скрывая своего беспокойства на этот счёт. И был уверен, что мои замечания в том или ином виде доводились собеседниками до сведения их главного союзника по НАТО»¹⁶.

Разумеется, не приходилось надеяться на то, что в Женеве удастся снять те препятствия на пути заключения соглашения по стратегическим вооружениям (ПРО, крылатые ракеты и т.д.), которые ещё оставались. Необходимы были политические решения на высшем уровне. В сложившейся обстановке, однако, эти решения могли лишь принять форму односторонних советских уступок.

По-другому и быть не могло: социально-экономическая и политическая ситуация в Советском Союзе и «странах социалистического лагеря» явно выходила из-под контроля; вот почему высшее советское руководство было крайне заинтересовано во внешнеполитических успехах – любой ценой. Отдавая себе в этом отчёт, в Вашингтоне полагали, что для американской стороны просто нет смысла идти на уступки по разоруженческим вопросам, поскольку все уступки будут сделаны Москвой.

Дж. Бейкер был уверен, что договор по СНВ всё равно будет подписан без каких-либо значительных подвижек в американской позиции, а все существ-

¹⁵ Ibid., p. 83.

¹⁶ Горбачёв М.С. Ук. соч., с. 137–138.

венные уступки сделает советская сторона. Государственный секретарь оказался совершенно прав – Москва действительно пошла вскоре на односторонние уступки.

В письме М.С. Горбачёва, которое было передано президенту США в ходе визита Э.А. Шеварднадзе в Вашингтон в сентябре 1989 г., советская сторона соглашалась на подписание будущего договора по СНВ и в том случае, если к завершению его разработки не будет достигнута договоренность по проблеме ПРО. Далее, Москва соглашалась исключить крылатые ракеты морского базирования из перечня стратегических вооружений, подлежащих сокращению по договору СНВ: взаимные обязательства относительно таких систем вооружений должны были быть сделаны вне рамок договора. Наконец, Горбачёв обещал американцам демонтировать Красноярскую РЛС – без всякой увязки с проблемой американских РЛС системы предупреждения о ракетном нападении в Гренландии и Великобритании¹⁷.

Единственная ответная «уступка», которую сделали американцы, состояла в том, что они снимают своё возражение на развёртывание мобильных МБР – но ведь об этом говорилось ещё в советско-американском Заявлении на высшем уровне от 2 июня 1988 г.! Таким образом, получив от советской стороны целый «пакет» важнейших уступок, Вашингтон ограничился лишь тем, что «продал» Москве ещё раз один и тот же залежалый товар.

«Шеварднадзе был разочарован, – пишут об итогах сентябрьского визита советского министра в США американские исследователи М. Бешлосс и С. Тэлботт. – Вместо того чтобы побудить США к большей гибкости, его уступки не поколебали твёрдокаменную позицию американской стороны. Ему стало ясно, что Бейкер и его люди пришли к заключению, что всё, что им нужно делать – это устроиться поудобнее, кладя в карман всё то, что предлагает Кремль, и дожидаться новых уступок»¹⁸.

Успехом американской стороны на переговорах в сентябре 1989 г. стали не только односторонние уступки Москвы, которые американцы просто «положили в карман». Им удалось добиться и того, что ограничение стратегических вооружений – одна из немногих тем советско-американского диалога, где Советский Союз всё ещё мог на равных вести диалог с Соединёнными Штатами – фактически оказалось «на задворках» двусторонней повестки дня советско-американских отношений.

Такова была политическая обстановка накануне советско-американской встречи в верхах, договоренность о которой была достигнута в июле–августе в ходе обмена посланиями между Дж. Бушем и М.С. Горбачёвым. Американский лидер предлагал провести этот саммит в Кэмп-Дэвиде или в Кеннебанкпорте, но на это не согласилась советская сторона: слишком уж такой формат встречи походил на подписание акта о безоговорочной капитуляции. «И тогда была придумана формула, которая устраивала обоих: к берегам Мальты подходят два военных корабля, советский и американский, – вспоминает бывший по-

¹⁷ Д у б и н и н Ю.В. Ук. соч., с. 324–325; К о р н и е н к о Г.М. «Холодная война»: Свидетельство её участника. М., 1994, с. 262–263.

¹⁸ B e s c h l o s s M., and T a l b o t t S. At the Highest Levels. The Inside Story of the End of the Cold War. Boston, 1993, pp. 116–117.

мощник Генерального секретаря ЦК КПСС по международным вопросам А.С. Черняев. – Беседы происходят поочередно то на одном, то на другом»¹⁹.

Наряду с советским ракетным крейсером «Слава» и американским крейсером «Белкнап» у берегов Мальты присутствовал в начале декабря 1989 г. круизный лайнер «Максим Горький», который исполнял роль гостиницы для советской делегации и сопровождающих её лиц. Это распоряжение советского лидера оказалось весьма своевременным: как раз накануне встречи двух лидеров у берегов Мальты разразился сильный шторм. Вот почему первая встреча советской и американской делегаций состоялась на борту «Максима Горького» 2 декабря.

Перед началом пленарного заседания Буш и Горбачёв уединились для беседы тет-а-тет, в ходе которой американский президент сделал резкий выговор своему советскому визави за продолжающуюся советскую поддержку Кубы. Американский лидер сказал буквально следующее: «Было бы очень хорошо, если бы мы смогли найти способ, который позволил бы и вам прекратить эту чрезвычайно дорогостоящую и ничего не дающую для вас перекачку помощи. Эти миллиарды долларов вы могли бы использовать с большой выгодой для себя, а заодно снять серьёзный раздражитель в советско-американских отношениях»²⁰.

Таким образом, с самого начала американская сторона давала понять советскому лидеру: повестку дня данной встречи в верхах она собирается строить по собственному усмотрению, и в центре этой повестки будет сдача советской «империи» в обмен на туманные обещания американской «помощи» для находящейся в глубоком кризисе советской экономики. Что же касается более выигрышной для советской стороны проблемы ограничения вооружений (где у Москвы всё ещё сохранялись весомые козыри для торга), то на Мальте эта тема была затронута лишь поверхностно.

Своё выступление на последовавшем после приватной беседы с Горбачёвым пленарном заседании Дж. Буш начал с обещания поддержать советскую «перестройку». В этой связи было обещано приостановить действие поправки Джексона – Вэника, которая лишала СССР статуса наиболее благоприятствуемой нации в торговле с США, и отменить поправки Стивенсона – Бэрда, ограничивающие предоставление кредитов советской стороне. Дж. Буш даже пообещал «изучить возможности» по выработке договоренности о гарантиях капиталовложений. Американский лидер высказался за предоставление Советскому Союзу статуса наблюдателя в ГАТТ (предшественница Всемирной торговой организации). При этом хозяин Белого дома, стремясь потешить самолюбие советского лидера, подчеркнул: «Мы стремимся составить наши предложения таким образом, чтобы не создавалось впечатление, будто Америка "спасает" Советский Союз. Говорим не о программе помощи, а о программе сотрудничества»²¹.

Говоря о разоруженческих проблемах, американский лидер не стал озвучивать какие-то новые американские инициативы, будучи совершенно уверенным в том, что на уступки должна идти именно советская сторона. Но при

¹⁹ Черняев А.С. Горбачёв – Буш: встреча на Мальте в 1989 г. – «Новая и новейшая история», 2001, № 3, с. 118.

²⁰ Там же, с. 120.

²¹ Горбачёв М.С. Ук. соч., с. 143–144.

этом Дж. Буш указал на необходимость присоединения Советского Союза к режиму ограничений на распространение ракет и ракетной техники. В дальнейшем этот необдуманный шаг в духе «нового политического мышления» создал серьёзные проблемы для российского экспорта криогенных ракетных двигателей в Индию²².

Ответом на неприкрытый американский нажим стали пространные рассуждения М.С. Горбачёва «общефилософского плана» о том, что ставка на силу в международных делах, дескать, себя не оправдала, а методы «холодной войны» и конфронтации «потерпели поражение». «В американских политических кругах настойчиво выдвигается тезис, – с горечью сказал советский лидер своему американскому визави в ходе мальтийской встречи, – о том, что Советский Союз, мол, начал свою перестройку, меняет курс под влиянием политики "холодной войны". Говорят, что в Восточной Европе все рушится, и это тоже, мол, подтверждает правоту тех, кто делал ставку на методы "холодной войны". А раз так, то и менять в политике ничего не надо. Надо наращивать силовое давление и готовить побольше корзин, чтобы собирать плоды»²³.

Горькое признание, но что ещё оставалось делать лидеру идущей ко дну советской «сверхдержавы»? В то время развал «лагеря мира и социализма» шёл уже полным ходом; восточноевропейские «союзники» СССР один за другим покидали «старшего брата». Мальтийская встреча произошла через две недели после краха «берлинской стены», после чего на сохранение советской сферы влияния в Восточной Европе мог надеяться только очень наивный человек. В самом Советском Союзе социально-экономическое положение становилось всё более отчаянным; было ясно, что без массовой западной помощи не обойтись. И в этих условиях львиная доля сил и времени участников советско-американской встречи в верхах на Мальте была уделена обсуждению ситуации в Восточной Европе, в других регионах планеты, где советское присутствие таяло, как снег под солнцем, а также безрадостному положению дел в советской экономике.

Очевидно, что советский лидер уже не мог демонстрировать политический динамизм за счёт новых «масштабных мирных инициатив»; всем было ясно, что запас уступок Москвы как в разоруженческой, так и в региональных сферах практически исчерпан. Горбачёв был явно не готов к такому повороту; отсюда – обилие общих неконкретных рассуждений в духе «нового политического мышления»: «США и СССР просто обречены на диалог, взаимодействие, на сотрудничество. Иного не дано. Но для этого надо избавиться от взгляда друг на друга как на врагов... Новый президент США должен знать, что Советский Союз ни при каких обстоятельствах не начнёт войну... Более того, СССР готов больше не считать США своим противником и публично заявить об этом. Мы открыты для сотрудничества с Америкой, включая сотрудничество в военной области... Всё это не означает, что мы предлагаем советско-американский кондоминиум. Но и США должны считаться с интересами других стран. Между тем есть ещё желание учить, давить, наступать на горло. Это ещё есть»²⁴.

²² См.: Россия и США после «холодной войны». М., 1999, с. 47.

²³ Черняев А.С. Ук. соч., с. 124.

²⁴ Там же, с. 125.

В Вашингтоне, однако, не привыкли рассматривать в качестве равноправного партнёра страну, которой он оказывает экономическую помощь. Американские собеседники М.С. Горбачёва пропустили мимо ушей это высокопарное высказывание о советско-американском кондоминиуме, ответив назойливыми нравоучениями о том, каким образом Москве следует «реформировать» советскую экономику по американским стандартам: «Под впечатлением открытости, с какой Горбачёв рассказал о перестройке, американцы, отложив ножи и вилки, бросились "учить", как лучше и быстрее осуществить реформу экономики... Убеждали, что надо быстрее решать вопрос с ценами («Вы уже опоздали!»), открывать простор реальному рынку, налаживать банковскую, налоговую систему и т.п. Горбачёв отбивался, доказывая им, что рынок по-американски и рынок по-русски – это всё-таки "две большие разницы", с учётом того, откуда и куда мы идём, и какая мы страна, что мы испытали за XX век. Американцы продолжали ему разъяснять "абсолютные" законы рынка».

Комментарий присутствовавшего при сём Черняева оставляет комическое впечатление: «Закрыв глаза и затыкая уши, когда звучала английская речь, можно было подумать, что присутствуешь на заседании Политбюро ЦК КПСС, где все озабочены судьбой страны, спорят, убеждают друг друга, доказывают свою правоту и т.п.»²⁵. По мнению А.С. Черняева, Политбюро никуда не делось, просто изменились его географические координаты: итогом Мальты стало плавное перемещение «коллективного мозга партии» из Москвы в Вашингтон.

Неудивительно поэтому, что среди многих как российских, так и зарубежных исследователей такое широкое распространение получил взгляд на Мальту как на образец дипломатического провала советского лидера. Так, в интервью «Известиям» профессор парижского Института международных и стратегических исследований К. Дюранден заявила: «У меня есть полная уверенность, что ваш президент к этому саммиту был совершенно не готов. Обсуждалось кардинально важное для Советского Союза событие: объединение Германии. Горбачёву надо было добиться, чтобы она стала нейтральной. Но он недооценил партнёра по переговорам: Буш-старший и канцлер ФРГ Гельмут Коль уже договорились – объединённая Германия войдёт в НАТО. Эта историческая встреча готовилась Госдепартаментом США и, естественно, разведкой. Основной упор – тема прав человека... И Буш говорил, настаивал, давил, не останавливаясь. Да так, что вежливый Горбачёв в какой-то момент не выдержал: "Но у вас же нет монополии на права человека!"... Цель – "не дать заговорить о нейтралитете немцев" – была достигнута... На это, собственно, и был расчёт ЦРУ. В Москве в то время, в конце 1989 г., сложилась непростая обстановка для Горбачёва. А до окончательного решения немецкого вопроса оставалось три недели. И расчёт разведуправления, хорошо изучившего характер генсека, строился на том, что он был истощён психологически и у него просто не хватит твёрдости сопротивляться давлению Запада»²⁶.

В этой связи следует подчеркнуть, что для американской стороны давно уже не было секретом неустойчивость советского лидера к внешнему давлению. Так, анализируя его поведение во время встречи с президентом США Р. Рейганом в Женеве в ноябре 1985 г., сотрудники исследовательской службы

²⁵ Там же.

²⁶ «Известия», 1.02.2009.

Библиотеки Конгресса США обратили внимание на такие черты характера М.С. Горбачёва, как нетерпение и неспособность контролировать свои эмоции²⁷.

В ходе встречи на Мальте Буш, правда, заявил о том, что он не собирается «прыгать на стену» (берлинскую)²⁸, однако дал понять, что он готов двигаться «за пределы статус-кво» в Европе²⁹. Горбачёв ответил пространными и мало-вразумительными жалобами на навязывание Западом своих «западных ценностей»; вместо этого советский лидер предложил «вместе подумать» о созыве «Хельсинки-2» и о превращении НАТО и ОВД «в преимущественно политические организации»³⁰. Следует отметить в этой связи, что Организация Варшавского договора в одностороннем порядке упразднила свои военные структуры через три месяца, в феврале 1990 г.; Организация Североатлантического договора не сделала этого до сих пор*.

Очевидцы мальтийского саммита (будь то сам Горбачёв, его помощник А.С. Черняев или госсекретарь Бейкер) указывают на то, что Буш и Горбачёв лишь вскользь касались проблемы разоружения. Так, по свидетельству Черняева, глава Белого дома предложил завершить переговоры о стратегических вооружениях в Женеве к визиту Горбачёва в США и подписать там договор. «При этом он сообщил, что США снимают прежнее своё условие – о запрете советских мобильных баллистических ракет (МБР). Попросил не модернизировать самые мощные наши межконтинентальные ракеты СС-18. Горбачёв в ответ напомнил об огромном преимуществе американцев в крылатых ракетах морского базирования (КРМБ), за которые их переговорщики яростно держались в Женеве»³¹.

В общем, как уже было сказано, такое положение вещей устраивало официальный Вашингтон – советско-американская повестка дня теперь писалась под американскую диктовку, и неудивительно, что переговоры по ЯКВ оказались на задворках двустороннего диалога в ходе мальтийского саммита. Совершенно незамеченными остались предложение М.С. Горбачёва о полной ликвидации тактического ядерного оружия и согласие Дж. Буша ликвидировать бинарное оружие: в центре внимания и мирового сообщества, и советско-американской повестки дня теперь находились совсем иные вопросы.

«Общий итог – отношения вышли на новый уровень»³². Именно такими словами советский лидер подвёл итоги советско-американской встречи в верхах на Мальте.

Надежды советского руководства на некий советско-американский кондоминиум после окончания «холодной войны», однако, очень быстро испарились. В Вашингтоне, как, впрочем, и в других западных столицах проявляли всё меньше желания считаться с Москвой.

²⁷ Soviet Diplomacy and Negotiating Behavior – 1979-88: New Tests for U.S. Diplomacy. Vol. II. Wash, 1988, p. 314.

²⁸ Горбачёв М.С. Ук. соч., с. 146.

²⁹ Черняев А.С. Ук. соч., с. 127.

³⁰ Там же.

* Протокол о полной ликвидации ОВД был подписан 1 июля 1991 г.

³¹ Черняев А.С. Ук. соч., с. 123–124. См. также: Горбачёв М.С. Ук. соч., с. 144–145; Baker J. Op. cit., pp. 168–176.

³² Горбачёв М.С. Ук. соч., с. 149.

О стремлении переломить эти тенденции и вернуться к «духу Мальты» свидетельствуют одобренные Политбюро ЦК КПСС 2 апреля 1990 г. директивы Э.А. Шеварднадзе для его переговоров с Дж. Бушем и Дж. Бейкером. В инструкциях главе российского внешнеполитического ведомства прямо говорилось, что «/в/ центр обсуждений предлагается поставить вопросы *разоружения*. Учитывая приоритетный характер досогласования остающихся проблем в *области ЯКВ*, изложить наши продвинутые соображения по КРМБ, КРВБ, контролю за мобильными МБР и некоторым вопросам контроля»³³.

Стремясь вернуть военно-стратегические вопросы в центр советско-американского диалога, Москва одновременно пыталась сделать этот диалог более взаимным, подтолкнув американскую сторону к подвижкам по ЯКВ. Увы, все эти вполне разумные директивы советскому министру иностранных дел предварял следующий пассаж, который сам по себе был свидетельством тяжелейшего внутреннего кризиса в Советском Союзе: «В ходе бесед в Вашингтоне подробно информировать американское руководство об итогах III Съезда народных депутатов, мартовского Пленума ЦК КПСС, проводя линию на закрепление американской администрации на позициях, благоприятных процессам перестройки в СССР. Решительно отводить при этом попытки использовать непростые явления текущего периода в СССР для получения односторонних преимуществ, нанесения ущерба стратегическим национальным интересам Советского Союза, а также советско-американским отношениям»³⁴.

Мог бы кто-нибудь ещё хотя бы за пять лет до этого, в 1985 г., вообразить, что глава советского внешнеполитического ведомства будет вот так униженно домогаться политической поддержки у «реакционных американских империалистических кругов»? В апреле 1990 г., однако, другого выхода у Горбачёва и его ближайшего окружения просто не было: Восточная Европа была уже потеряна; ситуация в Закавказье, в Прибалтике, на Украине, да и в Российской Федерации – всё больше выходила из-под контроля Кремля. В этих условиях инструкция советскому министру – «/в/ центр обсуждения в ходе переговоров поставить *вопросы сокращения и ограничения вооружений*, имея в виду их приоритетность в плане подготовки встречи на высшем уровне в Вашингтоне»³⁵ – выглядела совершенно нереально: было ясно, что вопросы эти в двустороннем диалоге неизбежно должны были отойти на задний план, а сам этот диалог будет проходить под американскую диктовку.

Разумеется, проще всего обвинить в таком исходе лично М.С. Горбачёва, который в ходе мальтийского саммита действительно был не на высоте. Возникает, однако, вопрос: мог бы он лучше сыграть на Мальте с теми картами, которые у него были на руках? Дипломатия – это искусство возможного, а дипломат – это представитель своей страны, а не волшебник. Вряд ли можно осуждать советского лидера за то, что в декабре 1989 г. он не сумел совершить чуда у мальтийских берегов.

³³ О директивах для переговоров министра иностранных дел СССР с президентом США Дж. Бушем и государственным секретарем Дж. Бейкером (Вашингтон, 4–6.04.1990). Российский государственный архив новейшей истории. Фонд 89, перечень 9, дело 100, л. 3.

³⁴ Там же, л. 11.

³⁵ Там же.